

Она любила необычные прически и цвета: ее волосы претерпевали химию, каре, ежедневные плойки и выпрямители, фиолетовый, розовый, красный цвет и осветление, но оставались такими же мягкими и шелковистыми. Полнота ей, несомненно, шла, и была следствием скорее наследственности, нежели частых перееданий, однако к сладкому Лидочка была равнодушна, особенно к розочкам на бисквитных пирожных.

В парикмахерской, где работала Лидочка, все ее любили: девочкам нравилось обмениваться с ней сплетнями, посетительницы с удовольствием слушали ее советы по уходу за собой, а мужчины улыбались и подмигивали, стараясь не показывать правую руку, чтобы не было видно кольца. Лидой ее звала только мама: всегда такая строгая и требовательная к дочери, она не могла понять этого несерьезного отношения к жизни, с которым Лидочка переживала все неурядицы. Одевалась она так, чтобы подчеркнуть достоинства и скрыть недостатки фигуры, как советовали в модных журналах, стопкой сложенных на тумбочке у ее кровати. Никто и никогда не видел ее в брюках: женственная и легкая на подъем Лидочка обожала платья-футляры и юбки с завышенной талией. Вот идет она в платье, на высоких каблуках, с приоткрытым ротиком, с пухлыми, накрашенными розовой помадой губками, а проходящие

мужчины оборачиваются ей вслед, забывая все на свете. А дома, просунув ножки в мягкие тапочки в форме собачек, Лидочка брала из холодильника бисквитные пирожные, садилась в большое кресло и смотрела мелодрамы, откусывая от пирожного по чуть-чуть, чтобы оно не казалось таким калорийным. В свои двадцать восемь Лидочка была полностью довольна жизнью.

Однажды Лидочка, надев любимое розовое платье, неспешно шла по тротуару в парикмахерскую, где должна была быть двадцать минут назад. Стояла невыносимая жара, и Лидочка решила купить бутылку воды. Стоя на кассе, спиной она почувствовала, как кто-то пристально на нее смотрит, потому что интуиция ее никогда не подводила. Обернувшись, Лидочка встретила взглядом с высоким темноволосым мужчиной с выразительными карими глазами. Он смотрел на нее строго, но в то же время улыбался. На нем, несмотря на жару, были офисные черные брюки и такой же черный пиджак с плечиками, подчеркивающий правильную осанку. Во всем его виде чувствовалась уверенность.

– Да? – обратилась к нему Лидочка, похлопывая длинными накрашенными ресницами.

Мужчина, не смутившийся ни на минуту, как это обычно бывает с теми, кто смотрит Лидочке в глаза, непринужденно ответил:

– Можно с вами познакомиться?

В ответ Лидочка хихикнула. В тот день до парикмахерской она так и не дошла.

Мужчину звали Орешников Виталий Алексеевич. В первый же день их с Лидочкой знакомства Орешников пригласил ее в парк, где она, словно ребенок, ела мороженое, зажмурившись от удовольствия. Сам Орешников всегда был таким строгим, казалось, его трудно рассмешить (если вообще возможно). Но Лидочке нравились ежедневные букеты ее любимых белых роз, походы в рестораны, мягкие игрушки и комплименты. Когда они шли по улице и Лидочке вдруг вспоминалась смешная шутка, она заливалась громким визгливым смехом, который Орешников так любил, называя ее ласково «своей хохотушкой». Орешников встречал Лидочку после работы, и подвозил на своей машине до ее дома, и практически ничего о себе не рассказывал, кроме того, что ему тридцать пять лет, всю свою жизнь он живет в Москве, учился в педагогическом и вот уже пять лет читает лекции в институте искусств. Иногда он оставался у Лидочки на всю ночь, и тогда она делилась с ним своими детскими страхами, вроде боязни высоты или пауков в ванной, а Орешников в ответ обещал носить ее на руках и убить всех пауков на свете, после чего Лидочка улыбалась и целовала его в лоб. А днем, в парикмахерской, Лидочка почти не сплетничала, а только говорила, какой Виталечка хороший и что она еще ни разу в жизни не чувствовала чего-то подобного, и девочки отвечали, что она, должно быть, самая счастливая и вот бы им так.

Спустя месяц отношений Орешников стал реже приглашать Лидочку в рестораны, но она не сердилась, понимая, что он, должно быть, устает на работе. Теперь он приходил к ней через день, принося ее любимые пирожные. Иногда Орешников затевал странные разговоры.

- Лидочка, тебе не хотелось бы в колледж пойти?
- Зачем, милый? – спрашивала Лидочка, обнимая его за плечи.
- Ну, ты только одиннадцать классов окончила, а что потом? Курсы парикмахеров? Ведь нужно, Лидочка, учиться. Человек для того и живет, чтобы постигать знания. Вот что ты читаешь? Любишь Достоевского?

В ответ Лидочка смущенно хихикала и целовала Орешникова, после чего он какое-то время не возвращался к этой теме.

А иногда уже она задавала ему вопросы, на которые сложно было ответить:

- Виталечка, а мы поженимся? Если да, то где мы будем жить? А почему ты ни разу не приглашал меня к себе?

Обычно Орешников выбирал из кучи вопросов наименее провокационный:

- Ну, у меня квартира не такая уютная, как твоя. Обещаю: скоро я тебе ее покажу.

И Лидочка во время успокаивалась, обнимая Орешникова так, словно ничего в мире для нее не было важнее.

Одинокими вечерами Лидочка звонила маме, чтобы справиться о ее здоровье, но каждый телефонный разговор заканчивался словами матери о том, что нужно с этим Орешниковым быть осторожнее и что она еще натерпится с таким скрытным и серьезным мужчиной. А потом Лидочка включала очередной фильм, а на ночь читала по двадцать страниц «Идиота».

Спустя три месяца их отношений на Лидочкиной полке, поверх журналов, лежала куча книг: чтобы в любой момент взять нужную и чтобы Виталечка гордился своей умницей. Но Орешников по-прежнему говорил о колледже и о том, как здорово учиться, поэтому еще через месяц Лидочка, договорившись с девочками в парикмахерской, стала работать только по вечерам, а днем посещала занятия в педагогическом колледже. В один из дней Орешников пришел к Лидочке с тремя розами и пирожными. Они смотрели фильм, как вдруг Орешников сказал:

- Ну чего ты, Лидочка, надеваешь такие откровенные платья? Как ни пойдем куда-нибудь, так все мужики пялятся, а я, может, хочу, чтобы только я на тебя смотрел.

И Лидочка вновь хихикала в ответ, а ее шкаф наполнился джинсами и блузками, которые она выбирала вместе с Орешниковым, указывая пальчиком на понравившиеся вещи.

В парикмахерской все девочки с нетерпением ждали от Лидочки подробностей прошедшего вечера, и она обычно говорила:

- Ой, девочки, все было прекрасно, но у меня нет сил рассказывать: устала в колледже. Кстати, нам сегодня прочитали такую интересную лекцию по психологии...

И девочки как-то сразу переставали слушать и вникать в детали, а Лидочка все чаще становилась молчаливой.

Вечерами она читала по сто и более страниц, будь то художественная или научная литература, а иногда просматривала сайт магазина одежды и прикидывала, сколько примерно ей нужно времени, чтобы накопить на темно-коричневый костюм, о котором Орешников как-то обмолвился в один из вечеров. И Лидочка накопила, и, предвкушая радость любимого, сдержанно вручила ему пакет с на-

званием бренда. И улыбнулась на его замечание, что ничего она не понимает в костюмах.

Теперь они виделись все реже и реже. Лидочка звонила Орешникову узнать, как дела и придет ли он сегодня, на что он извинялся и говорил, что сегодня много работы. И Лидочка по привычке по-детски капризным тоном спрашивала:

– Неужели я сегодня не увижу своего зайчика?

И Орешников строго отвечал:

– Лидочка, я же не в парикмахерской работаю.

У меня студенты, ответственность.

И Лидочка желала ему хорошего вечера.

На следующее утро Лидочка проснулась от неприятного ощущения: ее тошнило. Провалявшись в кровати весь день и наглотавшись активированного угля, Лидочка решила позвонить Орешникову, но тот не отвечал. Она легла спать в надежде на то, что завтра будет лучше. Но лучше не становилось всю неделю, и Лидочка отправилась к гинекологу. Вечером она встретила Орешникова ужином, который впервые готовила сама, внимательно водя пальчиком по рецепту в книге.

– У нас будет ребенок! – кинулась Лидочка к нему, но он все стоял и молчал. А потом сказал:

– Слушай, Лидочка. Я встретил в магазине шикарную девушку, а теперь она стала такая... обычная. Нет, не пойми неправильно: было весело, и я... Но ребенок...

Лидочка не слушала: она все поняла. Орешников прочитал это в ее взгляде и ушел, сказав на прощание «прости».

Два дня Лидочка не выходила из дома. Она лежала на диване, глядя в потолок. В голове крутились десятки книг, прочитанные ею за месяц. Об Орешникове она старалась не думать. А на третий день пошла к врачу – и вернулась домой с красными от слез глазами, болью внизу живота и чувством опустошенности.

Прошел месяц. За этот месяц Лидочка дочитала список книг, рекомендованных Орешниковым «для становления ума». Девочки в парикмахерской старались ее избегать, а она не обращала никакого внимания на их шушуканья по поводу того, что без косметики она выглядит лет на сорок. Вечерами Лидочка выслушивала по телефону мамино «а я говорила», читала и смотрелась в зеркало, надеясь увидеть там прежнюю себя, но видела только осунувшуюся женщину с морщинами и мешками под глазами.

Как-то раз у Лидочки стригся один милостивый молодой человек. Она смотрела на его отражение, на его голубые глаза и полные губы и улыбалась.

А он просто стригся. И потом – просто сказал «спасибо» и вышел, легонько захлопнув дверь.

Она шла домой, в джинсах и свободной рубашке, укутавшись в свитер и высматривая знакомое лицо в толпе прохожих, опуская глаза каждый раз, когда на нее смотрел проходящий мужчина. Мимо прошли два молодых парня. Спиной она почувствовала, как ей смотрят вслед. Когда она обернулась, один из парней сказал другому:

– Смотри, какая толстуха.

И они рассмеялись.

Ей не было обидно.

Она шла дальше, а потом вдруг остановилась и заплакала. Слезы стекали по ее лицу, теперь уже не такому глупому и несерьезному. Она все плакала, привлекая внимание прохожих. Затем вытерла слезы и пошла домой.

Постепенно все привыкли звать ее Лидой.

